

МОДА В ФОКУСЕ ФРАНЦУЗСКОЙ СЕМИОТИКИ СТРАСТЕЙ

В. В. Петренко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В докладе представлены перспективы новой методологии социально-философского исследования моды на примере французской семиотической теории А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья. Аппликация их идей дискурсовизации и категоризации аффекта и переживания на проблематику моды и субъекта модного высказывания рассматривается как независимое методологическое априори возможной онтологии модного сознания. Намечены способы тематизации и методологические основания анализа этого типа сознания посредством актуализации представлений о страсти как структуре психического, фундирующей горизонт смыслополагания и формирующей значение в дискурсе. Современный язык описания модного субъекта дополнен понятиями тимической модальности и тимической идентичности.

Ключевые слова: мода, семиотика страстей, А. Ж. Греймас, Ж. Фонтанья, модный субъект, модное сознание, тимическая склонность.

FASHION IN THE FOCUS OF FRENCH SEMIOTICS OF THE PASSIONS

Valeriya Petrenko

National Research Tomsk State University, Russia

This paper presents a prospects of new methodology for social and philosophical research of fashion on the example of the french semiotics of the passions of A.J. Greimas and J. Fontanille. The reception of their ideas shows the ways of future possibilities of investigations in the sphere of fashion and the fashionable consciousness. The thematization of the concept of the passion will make it possible the presentation of subject of fashion as the configuration of different emotional experience, which influences on choice of subject. The position of A.J. Greimas and J. Fontanille is analysed as the methodological base for description the structure of mind and discourse.

Keywords: fashion, semiotics of the passions, A. J. Greimas, J. Fontanille, thymus, subject of fashion.

То, что мода может оказаться в самом центре семиотических исследований, стало понятно в 1967 году, когда Р. Барт публикует свою «Систему моды» [Барт 2003]. Как известно, Р. Барт предпочитал понятию семиотики термин «семиология», а науку о правилах и принципах построения текста вообще называл транслингвистикой (что пересекается с сосюрвской оппозицией лингвистики языка и лингвистики речи, а, кроме того, отсылает к понятию металингвистики у М. М. Бахтина).

«Французская линия» в представлении моды как специфического типа «образности» – в сущности, как особого (и очень важного) социализированного и политизированного объекта, как вторичного невербального кода, задействованного в коммуникации, – была поддержана работами многочисленных авторов, в большей или меньшей степени отошедших от классического («научного») структурализма, и числимых нами по ведомству постструктуралистской философской и культур-философской ориентации.

Правда, вся эта традиция в презентации и тематизации моды уже не называла себя семиологической, что, казалось бы, указывает на истощение семиологической оптики. Однако возможности семиологии как парадигмы представления и методологии исследования не исчерпаны: и это ясно даёт понять проект Альгирдаса Жюльена Греймаса и Жака Фонтанья [Греймас, Фонтанья 2010]. Тому есть несколько причин:

1) Во-первых, уже бартовская школа семиотиков (весь круг его учеников) придерживались той мысли, что рано или поздно происходит проекция научного знания о языке на всю область социального с его разрозненными, часто смутными языковыми формами. В результате, все социальные практики могут быть представлены как различные означающие проявления, как виды и способы лингвистического поведения, как обособленные дискурсы.

По мысли Ю. Кристевой, для классического структурализма особенно важным представлялся тот момент, что субъект языковой деятельности оказался соотнесён не только и не столько с семантической, т.е. трансцендентальной и общезначимой составляющей знака, но и с вещной, исторической и изменчивой его компонентой, которая, во многом, и отвечает за налаживание и поддержание внятной коммуникации, выстраивая цепочки означающих и заполняя знаковые лакуны и разрывы сегментированного и децентрированного социального пространства. И именно эта новая «структурность» становится доступна для анализа. В сущности, при такой постановке вопроса синтактика уже выдвигается на передний план. (Об этом идёт речь в работе Ю. Кристевой «Введение в лингвистику» [Kristeva 1981]). Подобным же образом вопрос о предмете семиотики ставит и Клод Зильберберг (он близок к кругу Жана Фонтанья): «Предметом семиотики является описание разветвлений значения в дискурсе, вербальном или невербальном» [цит. по: Греймас, Фонтанья 2010, 11].

2) Второе обстоятельство связано с тем потенциалом, который предоставляют сами возможности современных тематизаций в области моды. Философская рецепция моды в её историческом движении, развитии и культурно-исторических, эстетических и мировоззренческих трансформациях учитывает особый статус этой институции, благодаря которому она имеет выходы в социологию, идеологию, историю и т.д. Мода традиционно существует на пересечении искусства, потребления, экономики, политики. Мода артикулирует социально-историческую динамику, выполняя функции социальной маркировки и идентификации. Кроме того, актуальная фаза модной истории активно сближает её с ценностями массового общества и массового вкуса. Поэтому ожидаемая «междисциплинарность» в изучении моды отталкивалась от естественного «позитивизма».

Вопросы генезиса, морфологии, структурных типологизаций такого явления, как мода, её институализации и функций в этом качестве, – всё это оказалось предметом социологических, экономических, социально-психологических, собственно исторических и историко-культурных описаний и концептуализаций. И лишь постепенно фокус интереса смещается от институций, связанных с модой (а это не только «мода вообще», но и fashion-индустрия, и модный журнал (модная периодика в целом), и fashion-art), – к субъекту модной истории. Когда же был поставлен вопрос о самом производстве модного субъекта (а он должен быть поставлен непременно), позитивистская оптика обнаружила свою недостаточность. Философская аналитика моды начинает иметь дело с такими концептами, как «мифология моды» (и «модная мифологема»), «идеология моды» (и, соответственно, «модная идеологема»), «модная картина мира», «язык моды», «модное высказывание» и проч. Другими словами, мода всё чаще осознаётся как специфическая феноменология восприятия и полноценная онтология модного сознания. Но – как только мода в качестве предмета теоретической интроспекции начинает соприкасаться с областью философии сознания, – она сталкивается со всеми теми проблемами и трудностями, с которыми имеет дело сама философия сознания.

Поворотным пунктом для проблематизации сознания в философии XX в. стал тезис о его обусловленности, о двойной детерминации, присущей отношениям сознание – мир. Отсюда генеалогическая интенция в обсуждении вопросов сознания вообще и выделение проблематики, касающейся разнообразных типологий сознания, оказываются наиболее востребованы. Исследование структур опыта, отвечающих за способы конституирования мира, упирается в тезис о динамической обусловленности самих априори сознания. Сознание не равно самому себе: картезианская трактовка сознания давно не отвечает запросам дня. И главным становится вопрос о способах деконструкции классических рационалистических исследовательских программ. В сущности, один из вариантов ответа предложен в той версии семиологии, которую А. Ж. Греймас и Ж. Фонтаний распространяют на сферу аффективности, реактивности, «страстности» (сами они называют её «тимической» сферой: от греч. «θυμός»). В качестве методологии их «семиотика страсти» может быть инвестирована в исследование модного сознания.

Итак, исключительность акта самосознания, на чём базировалась субъективность классического образца и сама классическая исследовательская стратегия, осталась в прошлом. А ведь, согласно новоевропейской модели сознания, именно самосознание обеспечивало устойчивость априорных условий любого опыта. Но уже благодаря феноменологии аналитика сознания задействует идею интенциональности, благодаря чему полюс человеческого «Я» мыслится как включённый в мир. Этот же полюс «объектности» присутствует в герменевтическом проекте. Трансцендентальный субъект становится фактическим. Он обретает черты подвижной сингулярности, в том числе – и для теоретического разума. Субъективность теперь – не только регулярные, но и случайные, изменчивые структуры смыслообразующей активности. Вопрос о генезисе структур субъективности, при желании, может быть подчинён обсуждению проблемы генезиса идентичности в различных социальных полях и применительно к различным социальным габитусам. Субъектив-

ность, истолкованная в духе нового трансцендентализма, трактуется как истинное методологическое априори внутри современной социальной теории, истории и теории культуры, культурной антропологии, социальной лингвистики и т.п. Поэтому возможная герменевтика субъекта открывает перспективы новых тематизаций – а именно на путях показа (описания) субъективности любого порядка и любой конфигурации в формате не только сознания, но и языка, и телесности, и праксиса. Это обещает вскрытие механизмов производства актуального исторического субъекта – экзистенциального, социального, психического (в ипостаси субъекта воспитания и образования, или субъекта власти, или субъекта модного высказывания...). Одновременно указанное обстоятельство способствует отслеживанию способов его репрезентации в широком референциальном поле культуры и социальности. В этом отношении мода выступает многообещающим объектом познания. На её примере хорошо заметно, как субъективность теряет черты стабильной идентичности, демонстрируя «разрыв в имманентности» (А. Рено) [Рено 2002, 304], делая субъекта конечным, что становится трансцендентальным условием его индивидуации.

Чем интересен проект Греймаса и Фонтаний? Здесь субъекта структурируют и конституируют специфические душевные движения, которые представляют собой особые точечные переживания. Это своеобразные номадические (как сказал бы Ж. Делёз), т.е. принципиально подвижные образования. О чём идёт речь? Мы имеем дело со специфическими сингулярностями (и касаются они самого предусловия артикуляции намерения в дискурсе); «намерение», в нашем случае, вполне может быть заменено «желанием», поскольку семиотика страсти, грамматику и синтактику которой предлагают Греймас и Фонтаний, конечно же, пересекается с анализом «желания» в категориях «символического», «воображаемого» и «реального» у Ж. Лакана. Попутно замечу, что с Ж. Делёзом эту версию анализа дискурса (которая исходит из логики аффекта) роднит ещё одно важное обстоятельство: понятие «психического» как «пережитого» здесь не дотягивает до артикуляции на уровне «фактичности» пережитого, т.е. до уровня психического феномена, который и является предметом собственно психологического описания. Как и в ситуации с Ж. Делёзом, мы имеем дело с редким для современного философствования случаем: перед нами своеобразная «натурфилософия», что ещё удивительнее, в версии философии сознания. (А, поскольку субъекта структурирует не только «желание», но и, например, «власть», то пересечения очевидны и, например, с Ф. Ницше: последний, как известно, особое внимание уделял вопросам категоризации некоего не поддающегося окончательной социализации психического остатка, с которым зачастую и ассоциируется субъект и который несёт ответственность за самополагание. (В этом Фридриху Ницше вторят и Дж. Батлер, и Р. Салецл, и Л. Альтюссер, и поздний М. Фуко). Между прочим, у Ф. Ницше также имеет место игра амбивалентностей в виде векторов господства и подчинения.)

Что избирают для себя в качестве «тимических» валентностей Греймас и Фонтаний? После методического введения они переходят к анализу двух страстей: *это скупость и ревность*. (Вообще-то, не следует думать, что именно эти страсти наделены у них какими-то преимуществами в сравнении с

другими.) В главе «Методология страстей», подводящей итог теоретической части работы, авторы, фактически, дают структуру страсти (той «страсти», которая и формирует значение в будущем дискурсе). Они берутся утверждать, что *первый* уровень предусловий значения (то, что в их языке описания носит название «форической напряжённости», или «тенсивности»), структурирован как: 1) направленность вперёд (протенсивность)¹, она задаёт напряженный (тенсивный) субъект и инициирует становление; и 2) появление собственно «валентностей». На *втором* уровне (он носит название «семио-нарративного») происходит модализация субъекта: здесь заявляет о себе поверхностный нарративный синтаксис: здесь нас встречают бесконечные конфигурации между полюсами «эйфории» и «дисфории», вариации фигур «страдания» и «наслаждения». Наконец, *третий* уровень – собственно дискурсивный: именно здесь складываются готовые, стереотипизированные дискурсы, которые потом циркулируют возвратным образом (они, например, могут возвращаться на семио-нарративный уровень и там формировать определенный «настрой», т. е. служить своеобразными универсалиями или «примитивами», как их называют Греймас и Фонтаний). «Практика высказывания, – пишут они, – это возвратно-поступательное движение, которое, будучи между дискурсивным уровнем и другими уровнями, позволяет семиотически строить культуры» [Греймас, Фонтаний 2010, 97]. В этом отношении для семиотики страстей модалный субъект производится как последовательность модалных идентичностей (т. е., как пишут Греймас и Фонтаний, от того, как модално представлен объект – как «желанный», «полезный» или «нежеланный» – зависит модалное оснащение субъекта). Вывод, к которому приходят авторы, звучит следующим образом: «Синтаксис страсти ведёт себя точно так же, как и синтаксис прагматический или синтаксис познания: он принимает вид нарративных программ» [Греймас, Фонтаний 2010, 64].

Разумеется, следует выстраивать отдельно – как самостоятельный – синтаксис всех трёх уровней означивания в типологии А. Греймаса и Ж. Фонтания. Однако наиболее выпукло выглядит дискурсивизация и категоризация того уровня, где, собственно, и производится модный субъект – предмет нашего интереса. Этот уровень в вышеобозначенной классификации носит название *семио-нарративного* (проще всего он соотносится с лакановским «воображаемым»).

По-видимому, перечень модалностей модного субъекта может выглядеть по-разному; другими словами, в его оформлении будут участвовать разные страсти. Единственно, хотелось бы, чтобы в любой из их конфигураций к минимуму была сведена заведомая «частичность» индивидуального существования. Беспроигрышной в этом отношении представляется стратегия *полярности*: целостная конфигурация заявляет о себе как игра двух противоположных аффективных полюсов. К примеру, мы сохраняем – как полноценную тимическую склонность – *скупость* А. Греймаса и Ж. Фонтания и достраиваем *целое*, вводя в игру *расточительность* (справедливости ради, отметим, что у интересующих нас авторов «расточительность» присут-

¹ Здесь нетрудно узнать феноменологическую протенцию.

ствует, но фигурирует она исключительно в качестве «строительного материала» в синтаксисе скупости). Таким образом, к числу главных возможностей структурирования модного субъекта как тимического с последующим описанием этой структуры следует отнести стратегию деконструкции посредством поляризации и категоризации разных «наклонностей»: к примеру, таких как *лояльность* и *агрессивность*; *самоуверенность* и *робость*; *беспокойство* и *уверенность*; *привязанность* и *легкомыслие*; *доверчивость* и *подозрительность* и т. д. и т. п. В игре этих и подобным им страстей происходит конституирование модного субъекта. Он обретает возможность заявить о себе в высказывании. Переживание, артикулирующее логику страсти, участвует в формировании значения и становится важной составляющей модного дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт 2003 – *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., сост., вступ. ст. С. Н. Зенкина. Москва, 2003.
- Греймас, Фонтаний 2010 – *Греймас А. Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей: От состояния вещей к состоянию души / Пер. с фр. И. Г. Меркуловой. Предисл. К. Зильберберга. Москва, 2010.
- Рено 2002 – *Рено А.* Эра индивида. К истории субъективности / Пер. с фр. С. Б. Рындина. Санкт-Петербург, 2002.
- Kristeva 1981 – *Kristeva J.* Le langage, cet inconnu. Une initiation à la linguistique. Paris: Editions du Seuil, 1981.

Материал поступил в редакцию 15.09.2014